

Умецкого Валентина Михайловича произошел подрыв участка железной дороги.

— *Лидя! Я вернусь! Ты слышишь? Я обязательно вернусь!* — кричал Валентин Михайлович. — *Сына береги! Я тебя люблю.*

— *И я тебя...* — шепотом произнесла бледная от страха женщина.

Я медленно брела домой и думала о том, через что же все-таки пришлось пройти нашим прадедам. Людям, которые смогли бороться за свою честь, свободу, Родину и любовь. Они боролись. Боролись за Нас с Вами. За Нашу жизнь и свободу. Они выстояли.

Так кто же Вы, наши деды?

И если умирает человек,
С ним умирает первый его снег
И первый поцелуй, и первый бой,
Все это забирает он с собой!

Зезюля Иван,
студент факультета
международных бизнес-коммуникаций

Остаться Человеком на войне

... какой ценою
Куплен был наш каждый мирный день!
Помните о том, что всякий час
Вечно смотрят с верой и любовью
Вслед вам те, кто жил во имя вас!
Эдуард Асадов

К сожалению, я почти не помню своего деда, Ючко Никифора Константиновича, ветерана Великой Отечественной войны. Он умер, когда мне было пять лет, но этот человек всегда был и останется моим Героем, моим Учителем, о котором я поведаю своим потомкам, чтобы и они гордились славой их предков на поле брани, знали, какой страшной ценой завоевана Великая Победа.

Моя бабушка, Варвара Степановна, также испытывавшая на себе все тяготы войны, и моя мать, ее старшая дочь, до сих пор помнят все истории деда, которые он, бывало, рассказывал по вечерам в обществе близких, друзей и соседей. От рождения обладая феноменальной памятью, он ни на миг не забывал все, что пережил: каждое мгновение войны словно стало частичкой его самого. Описывая войну в мельчайших подробностях, он поименно мог назвать всех своих боевых товарищей, а также по часам расписать чуть ли не каждый день, проведенный на поле боя.

Я слышал захватывающие дух истории о рейдах разведчиков в тыл врага, о боях под Москвой и блокаде Ленинграда, о снайперских «дуэлях», о том, каково это, переживать минометный обстрел в лунке от снаряда, и о тех страшных днях, когда делишься и без того не богатым пайком с изголодавшимся беженцем. Я часто задавался вопросом: «А смог бы я поступить так же? Смог бы так же мужественно и самоотверженно нести свой тяжкий крест?» И, признаюсь, не всегда мог себе ответить.

Одна история запомнилась мне на всю жизнь. Услышав ее, я со всей ясностью осознал, что героизм проявляется не только в бою и доблесть воина не всегда может быть измерима одними лишь ратными подвигами. Невероятная сила духа, позволяющая остаться Человеком на войне, – вот что делает простого солдата истинным героем, достойным наивысшей чести...

Осенью 1944 года Красная Армия победоносно вступила в Польшу, и с каждым днем теснила фашистов все дальше и дальше. В один из солнечных дней сентября дивизия, в которой тогда служил Никифор Константинович, не принимала участия в боевых действиях. Глухие отголоски некоего сражения – разрывы артиллерийских снарядов, пулеметные очереди и щелчки винтовок – доносились откуда-то издалека. Как минимум, еще несколько дней, а то и целую неделю боя не предвиделось.

И вот прошел слух, что в нескольких километрах вниз по реке, неподалеку от места их расположения, есть ореховая роща, совершенно нетронутая. Немецкие окопы далеко, опасаться по большому счету некого. И дед, будучи весьма смелым, но, в то же время самонадеянным молодым человеком, решил провести «палестинку»: еды не всегда хватало, а «голодный солдат – никудышный боец» – так он, бывало, говорил.

Солнце играло бликами на речных волнах, вездесущие птицы порхали в еще пышных, но уже слегка пожелтевших кронах деревьев, и юноша мгновенно забыл о войне, завороченно созерцая окружающие его красоты. Потеряв счет времени, он вскоре добрался до орешника и, совершенно случайно, отвлечшись от своих грез, заметил немца, так же бесечно глазевшего куда-то вверх, набивавшего карманы своей шинели пригоршнями спелых, только что сорванных орехов. Солдат был так поглощен своим занятием, что совсем забыл про осторожность: его автомат находился в десятке шагов от него, прислоненный к хрупкому стволу молодого деревца, а хруст ветвей и шуршание листвы были слышны, наверное, за добрую сотню метров.

Почти не таясь, разведчик бесшумно, как тень, подкрался к немцу, поднял его автомат и тихонько свистнул. Они были почти сверстниками, мой дед и тот немец, разве что последний был, может быть, на пару лет моложе. Он замер, бледный как смерть, которая, как ему казалось, вот-

вот заключит его свои холодные объятия. По впалой, веснушчатой щеке прокатилась слеза, и робкая дрожь сотрясла юное тщедушное тело. Может, он хотел что-то сказать, но вместо слов лишь бессвязное бормотание и испуганный шепот вырвались наружу. В голубых, еще полетски наивных глазах застыла покорность судьбе и немая мольба. Наверное, в тот миг вся его короткая жизнь пронеслась перед глазами и показалась такой ценной, такой значительной, что хотелось кричать, умолять о пощаде. Прожив так мало, он совсем не хотел воевать, его выбор был сделан за него. Слова мольбы уже готовы были сорваться с его уст, но страх парализовал волю юнца и крик застрял в горле, только дрожь была все сильнее и непосильные потуги что-либо сказать еще больше укореняли и без того чудовищный страх. В какой-то миг смирение промелькнуло в его взгляде, и лишь редкие искры надежды проскакивали в тумане безразличия.

Никифор Константинович все порывался нажать, наконец, на курок и... и никак не мог этого сделать. Пытаясь найти оправдание поступку, который намеревался совершить, он вспоминал все ужасы войны, которые сполна познал. Грудь, насквозь прошитая немецкой пулей зимой сорок второго, до сих пор болезненно отзывалась по ночам, а лица погибших друзей теперь снились ему в те редкие минуты покоя; без сожаления он жал на курок, когда фигура в темной шинели показывалась в перекрестье прицела. Но то была война. Здесь же, в этой роще, еще пару минут назад он готов был запеть, окрыленный той радостью жизни, которая царила вокруг, невзирая на войну, разруху и смерть, бушевавшие рядом.

Дед говорил: «Я не колеблясь забирал жизни врагов, потому что знал: человечности нет места на войне, там правило одно – либо ты, либо тебя. Я был солдатом, но вдруг понял, что не могу быть палачом. Тот парень был совсем юн... Мой сверстник, волей рока очутившийся совсем не там, где ему полагалось быть. Он до конца не верил, что я собираюсь его отпустить, ждал выстрела в спину, уходил, спотыкаясь на ровном месте, оборачивался, что-то бормотал, утирал слезы, и, лишь окончательно скрывшись в кустарнике, попытался бежать, но ноги и тогда едва его держали. Я не рассказал об этой встрече сослуживцам, вернувшись. В последнее время раскаиваюсь во многом, но не в этом, нет»...

Столько лет прошло с тех пор, как я в последний раз видел деда, и сейчас иногда сожалею о том, что не был старше в то время, когда он еще был с нами. Бесценный урок деда – иметь мужество всегда оставаться Человеком – это та путеводная звезда моей жизни, свет которой поведет за собой еще не одно поколение моих потомков.

Что я знаю наверняка – Герои живы. Их бессмертный дух, словно Феникс, возродившийся из пепла, продолжает жить в нас, ведь мы наследники тех, кто, в свое время сделав поистине благородный выбор,

ведомые искренней и бескорыстной любовью к Родине, совершили подвиг, славе о котором – жить. Наш долг – помнить об их великой жертве во имя Мира, ведь память – тот самый эликсир бессмертия, которого, бесспорно, достойны наши славные предки, та скромная дань уважения, которую они заслужили, победив фашизм в 1945-ом.

С благодарностью оглядываясь в прошлое, мы с надеждой смотрим в дали будущего, и нашими глазами смотрят на чудесный новый мир герои, возможно, простые внешне, но возвышенные в душе.

Наша радость – это их радость, улыбки и слезы на наших лицах – улыбки и слезы Победителей, с честью прошедших Священную для советского народа войну.

Их слава – не блеск медалей, их слава – огонь наших сердец, раздуваемый порывами ветра нашей Памяти, и пока ветер силен, герои останутся рядом.

С нами.

Навсегда.

Не гасите пламя своей Памяти!

Ивченко Майя,
студентка факультета
«Высшая школа туризма»

Война и жизнь - это не игра

Война – одно из самых страшных событий, которое может произойти в жизни человека, однако оно позволяет будущим поколениям увидеть и понять, как не следует поступать, а также научиться ценить жизнь и мирное небо над головой. Мы – счастливое поколение, которое не знало такой боли, но мы можем только представить, что испытывали в те времена наши предки. Они рассказывают нам свои истории, чтобы наш мир учился на ошибках прошлого и чтобы мы могли гордиться отважными и сильными участниками войны.

Моему дедушке, Александру Ивченко, было всего 9 лет, когда началась Великая Отечественная война. Он часто рассказывал своим детям и внукам о тех ужасных временах. Вот и я хочу поделиться одной из его историй.

Лето 1943 года. Беларусь ещё в оккупации, но вести о скором освобождении каким-то образом доходили до самых глухих уголков. Да и оккупанты вели себя с местным населением уже не так жёстко, как в начале войны. Деревня Каральки находилась на отшибе – в бывшем барском поместье и насчитывала меньше десятка домов. В деревне

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□.
□□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□
□□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.